

О ЦЕНЗУРЕ.

История цензуры составляет самые позорные страницы "цивилизованного" общества. Всякая государственная власть стремится направить мысли общества в нужном ей русле и прежде всего подавить духовную и политическую оппозицию. В этом направлении она пытается до предела ограничить информацию, ибо, по определению Бэкона, знание это — власть.

В данной статье сделана попытка рассмотреть историю русской цензуры, как функцию психологического состояния общества. С этой точки зрения цензура будет для нас зримым индикатором, характеризующим это состояние. Эпохой книгопечатания будет ограничена наша статья, хотя как и в любой другой стране в древней России психология общества менялась и при отсутствии цензуры в точном смысле этого слова. Всякое разномыслие было тщательно устраняемо другими методами.

Со времени основания в России первой типографии, предназначенной для печатания духовных книг, власть над нею принадлежала патриарху и обычай и закон предоставлял ему право предварительного просмотра печатаемых сочинений. Таким образом, институт российской цензуры родился в московской патриархии.

В петровское время своеволие мысли ограничивалось лишь в сочинениях духовного содержания и наоборот всеми силами поощрялось распространение книг по всеянным наукам, мореплаванию, физике, географии, истории и прочим. Грамотность и образованность ценились очень высоко. Известны случаи, когда Петр ругал не в меру усердных переводчиков, исключавших из переводимых книг "крамольные" места. Психология и образ мыслей людей, стоящих у власти, способствуют активизации аналогичных сил в обществе, т.к. общество неоднородно по своему составу, по идеям и психологическому настрою. В истории господствующая психология непостоянна

Эпохи просвещения и высоких идеалов сменяются мрачными периодами упадка, бездеятельности и бездуховности. Чем выше взлет, тем глубже бывает падение. Волею за петровским просвещением пришли 30-е годы 18 столетия — бирюзовщина с ее кровавыми розисками, правками и всеобщими доносами. Литература в лице Тредиаковского ползала на коленях. Начались преследования за чтение книг книг светского содержания, так Артемий Волынский помимо прочего был обвинен в том, что читал сочинение Юста Липсия. Одновременно следовали запрещения некоторых сочинений.

В царствование Елизаветы при общем оздоровлении общественной атмосферы, упразднении страшного государственного сыска "слова и дела государева", упразднении смертной казни — Елизавета за годы своего правления не подписала ни одного смертного приговора, — неоднократно запрещались книги духовного и светского содержания. Вскоре по своем воцарении она указала все книги церковные и гражданские, "печатанные по кончине

блаженные памяти императрицы Иины Иоановны, для переправления объявлять", а через несколько лет /1748 г./: "книги российские и иностранные, в которых упоминаются в былых два правления известные персоны, предъявлять в де-объянс академию." Затем было опубликовано запрещение ввозить в Россию из-за границы подобные книги /Полн. собр. законов т. XIII № 9794/. Потом было запрещено печатать "артикулы о происшедших при дворе ее императорского величества." /ПСЗ т. XIII № 9903/. Что касается прессы екатерининской эпохи, то она все время находилась в руках правительства и носила казенно-официальный характер.

С восшествием на престол Екатерины II пресса и литература вступили в новый период своего развития. Вместе с нарастанием умственной самостоятельности общества, пресса перешла из официальных сфер на почву частного предпринимательства. Развитие литературы быстро дошло до небывалых до этого времени размеров. Распространялись вольные типографии

при различных казенных ведомствах, к ним приставлены были особые смотрители, "кои обязаны смотреть, чтобы в печатаемых книгах и прочих сочинениях ничего противного закону божию, правительству и благотворности не было." Смотрители были определены от синода и от академии, за объявленными наблюдала полиция. Эволюция государственного аппарата цензуры еще ничего не говорит о его строгости. Первая половина царствования Екатерины II отмечена духом французского просветительства. Издавались указы /ПСЗ т. XXI №15634/, передававшие роль цензоров из рук смотрителей в руки полиции, а в столицах -- управам благочиния. Но во второй половине царствования вольные типографки, служившие делу просвещения, возбудили подозрения в правительстве. Обычно эти репрессии связывают с началом французской революции, но это не совсем верно, так как гонения на русскую печать начались независимо от нее и на несколько лет раньше. Часть типографий была закрыта, книги

конфискованы, а издатели сосланы.

Остальным было велено "остерегаться издавать книги с подобными мудрствованиями." Литература стала последовательно уничтожаться, будто правительство испугалось предоставленной обществу свободы. Несмотря на репрессии в 1790 г. появилась книга Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву", прошедшая цензуру по установленному порядку. Многие места были выкинуты, но Радищев напечатал их в собственной типографии и приложил к книге. Судьба его всем известна, но интересно, что сам Радищев с горечью отмечал, что если бы он напечатал свое "Путешествие" на несколько лет раньше, то вместо ссылки был бы обласкан и награжден.

В конце концов все вольные типографии были закрыты, усилена бдительность внутренней цензуры, в пограничных пунктах учреждены цензурные управления для рассмотрения ввозимых в Россию книг. Это одно из последних распоряжений Екатерины II относилось к 1796 г.

В конце 18 века при Павле I цензура

была призвана к новой общительности.

В 1738—39 г.г. в некоторых немецких ~~книжках~~ сочинениях были замечены "предосудительные изречения о прежде бывшей российской Верховной власти". Уже переведенные книги было велено истребить. Цензура ожесточилась еще более, она перестала ограничиваться прессой и литературой и вторглась уже во все области жизни. Запрещалось все, что хоть сколько-нибудь напоминало о французской революции. Было запрещено носить крутые шляпы, фраки, жилеты, панталоны, ботинки и пр. Все привилегированные классы должны были одеваться в однобортные кафтаны со стоячим воротником, треугольные шляпы, камзолы, короткое нижнее платье и ботфорты. Однажды утром Павел по доносу отправил одного писателя-сатирика в Сибирь, но после обеда усомнился в правильности своего решения, посмотрел его пьесы и тотчас приказал вернуть обратно. Сумасшедший император поставил на границе цензуру на ввозимую литературу, а затем издал приказ вообще запрещающий ввоз в Россию какой-либо литературы. Россия оградилась от

Европы каменной стеной. Даже свободный проезд через границу не дозволялся без высочайшего разрешения.

Даже правительственные круги были недовольны такими порядками. Недовольство вылилось в царубийство.

Со вступлением на престол Александра Павловича наступило всеобщее послабление. Все вновь обратились в круглые шляпы, фраки и панталонки. Правительственные распоряжения отменили все тяжелые цензурные постановления двух предыдущих царствований. Пограничная цензура была ликвидирована, вольные типографии восстановлены. Предоставлялось право печатать книги на всех языках, наблюдая только, чтоб не было ничего в них противного законам божьим и гражданским. Восторженным современникам казалось будто отменена всякая цензура и установлена безграничная свобода печати. На самом деле был сделан опыт отмены предварительной цензуры и системы преследований за "преступления печатного слова". Указом 1802 г. предварительная цензура, господствовавшая в царствование Павла была уничтожена. Книги про-

смаатривались цензорами уже после выхода из печати. Отсутствие предварительной цензуры неозначало отсутствие цензуры последующей, которая в 1803 году остановила продажу сочинений барона Унгерн-Штернберга, "экземпляры которого сожжены, а автору объявлено негодование Его Величества". Подобным образом изымались и запрещались другие сочинения.

Резкая, яркая и почти мновенная смена психологии общества наводит на мысль, что подспудно она изменялась и в предыдущие годы, но будучи подавлена сверху, не могла заметно проявиться в общественной жизни.

Наступило "дней александровых прекрасное начало", омраченное в 1804 г. введением новой предварительной цензуры. Официально сообщалось будто безопаснее знать наперед мнение правительства о сочинении, чем рисковать и ждать, что оно будет конфисковано, а автор подвергнется репрессиям. Основная масса литераторов раболепно с этим согласилась.

"Устав о цензуре" 1804 г. был самым коротким цензурным уставом по сравнению с последующими. Его §19 гласил, что рукописи, исполненные "мыслей и выражений, явно отвергающих бытие божие, вооружающихся против веры и законов отечества, оскорбляющих верховную власть или совершенно противных духу общественного устройства и тишины: такие рукописи повелевать цензорам, недопуская к печати, объявлять правительству для отыскания сочинителя и поступления с ним по законам". Итак, закон был издан, но либеральный настрой правительства сдерживал применение его со всей строгостью.

Цензурное ведомство сосредоточилось в министерстве народного просвещения. К 1807 г. во время войны с Францией были объявлены непозволительными, находившиеся в свободной продаже книги о Бонапарте, было конфисковано более 5000 экз. сочинения "Тайная история французского двора", переведенная с немецкого и дозволенная цензурой в 1806 г. Все книги были сожжены. Но это обошлось правительству не дешево,

т.к. издатель "Тайной истории" потребовал возмещения убытков и по высочайшему повелению ему было выдано 6500 руб.

Изъятие недозволенных книг было возложено на местные административные власти.

После 1812 г. наступила реакция, ~~со стороны~~ ^{Франции} охватила всю Европу. На ^{Франции} смену ~~свободо~~мыслию пришел мистицизм. Было организовано особое ведомство полиции, в обязанности которого входила проверка цензуры, слежка за тем, чтобы не обращалось и таких книг, которые будучи пропущены цензурой "подавали бы повод к превратным толкованиям, общему порядку и спокойствию противным". Еще большую строгость и систему действия цензуры приобрели во времена вступившего в управление министерством народного просвещения кн. А.Н. Голицина /1817-1824/, намного уклонившись от устава 1804 г. В эти годы оживления литературы в цензурные комитеты поступало много ходатайств об издании сочинений, но разрешения на них давались

туго. Часто причиною отказа было: дурной тон или недостаток сведений замечаемые цензурой в авторах. На строгость цензуры жаловался даже Карамзин, которому самим императором было разрешено печатать "Историю государства российского" безцензурно.

С наступлением николаевской эпохи строгость цензуры значительно усилилась. К этому времени относятся две характерные черты, навсегда вошедшие в цензурную практику: запрещение обозначать точками и другими знаками места пропущенные цензурой и секретные наставления цензуре.

Был принят новый, гораздо более строгий цензурный устав. § 151 глаголил, что не позволяется пропускать к печатанию места в сочинениях и переводах, имеющие двоякий смысл, если один из них противен цензурным правилам. §§ 169 и 171 запрещали всякую инициативу общественной мысли в правительственном деле. §§ 205, 208 и 210 устанавливали весьма строгие взыскания с цензоров за упущения. Автор под-

вергался еще большей ответственности. Устав был прозван "чугунным". Государственный совет принимал устав, заботясь о "безвредном" направлении литературы и воспитании благонамеренного юношества. Разрешение печатать судебные дела и разборы театральных представлений было ~~прямолинейно~~ расценено как облегчение, но под запретом находилась почти вся новейшая история Запада, из русской истории не пропускалось все, относящееся к народным волнениям, переворотам 18 века и т.п. Писать о политических видах правительства или касаться действий властей было делом весьма рискованным. По словам министра нар. просвещения Уварова /1834/: "в правах русского гражданина нет права письменно обращаться к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять, когда хочет."

Литературная производительность стала падать, особенно уменьшилось число книг по государственным и общественным вопросам. В 1832 г. был запрещен журнал "Европеец" Ивана Ки-

ровского; в 1834 — "Московский телеграф" Полевого за рецензию на драму Кукольника "Рука всевышнего отечество опасла". Относительно этого произведения написанного в духе "самодефкавия, православия и народности" не должен был "сметь свое суждение иметь" публицист того времени. В 1836 г. был запрещен "Телескоп" Надеждина. Правительство не стеснялось в выборе средств для защиты своих интересов, которые оно отождествляло с интересами всей страны. Эта официальная идеология устроила для обывательской мысли мягкое ложе, на котором можно было спокойно дремать десятки лет. Среднему человеку действительно казалось, что кругом царит "тишь да гладь". Но в лучшей части интеллигенции не прекращалась напряженная работа мысли. Это время стало классической эпохой "лишних людей".

В понятиях властей принудить зло к печатному молчанию, значило искоренить его. Думай, сколько хочешь, лишь не высказывай никому своего мне-

ния.

Весной 1848 г. был учрежден "комитет 2-го апреля 1848 г." и цензура сделалась до того подозрительной, что один цензурный комитет подал ходатайство о назначении в его состав музыканта для рассмотрения нот, ибо представлял он, необходимо бывает определить "действительно ли представляемые ноты содержат в себе музыкальную пьесу, а не какое-либо безнравственное и вредное сочинение написанное в виде нот, ~~ки~~ знаками; составленными по известному ключу."

Несмотря на все рогатки, запрещенные книги продолжали проникать в Россию контрабандой. В литературных кругах это время получило название "эпохи цензурного террора". Преследовалась всякая живая мысль и малейшее проявление общественной самостоятельности. Преследовались и славянофилы и западники. Иван Аксаков был лишен права быть редактором какого-то бы то ни было издания. Славянофилам было ~~вменено~~ в обязанность предоставлять свои рукописи в главное управление цензуры, где они рассмат-

вались и отсылались в III отделение. Тургенев был сослан за некролог Гоголя, а в сущности за "Записки охотника". Грановский восклицал: "Благо Белинскому, умершему во время". Имя Белинского было запрещено к упоминанию, в 52-м последовало по цензуре распоряжение "о совершенном запрещении говорить о Гоголе".

Вся полемика, носившая серьезный характер, была прекращена, если порой и возникала, то носила мелочный, личный характер.

Критика обесцветилась. Общий налет вялости, безжизненности лег на литературу и журналистику, журналы поневоле предпочитали менее опасные темы о дублении кожи или о тонкорунном овцеводстве.

Остался след цензуры и на образовании. Школьный учебник николаевской эпохи, рассчитанный на воспитание обывателей, объяснял французскую революцию беспредельной расточительностью Людовиков и герцога Орлеанского, свергнувших Францию в необъятные долги,

ослаблением веры и испорченностью нравов.

Писарев, кончивший петербургскую гимназию в 1856 г. с серебряной медалью, принадлежал, по его словам, к разряду овец, спокойно и радостно тупеющих над гимназической премудростью, "не злился, не умничал, уроки зубрил твердо, на экзаменах отвечал красноречиво и почтительно и в награду за все эти несомненные достоинства был признан преуспевающим". По окончании гимназии русских писателей он знал лишь по имени, чтение "Истории Англии" Маколея казалось ему настоящим подвигом, а критические статьи журналов были для него "кодексом иероглифических надписей". Любимым его чтением были романы Купера и особенно очаровательного Дюма, а "любимым занятием при поступлении в университет — раскрашивание картинок в иллюстрированных журналах.

После падения Севастополя и смерти Николая I началось пробуждение литературы и общества. Для желающих открылись двери в Европу, о чем в предыдущее

царствование нельзя было и мешать. Пробуждение затронуло и цензуру, пропустившую несколько сочинений и переводов, не пропускавшихся прежде. Случай, когда заметка о дороговизне извозчицкой платы вызвала переполох в цензуре, отошла в прошлое.

С 1855 г. начали выходить сочинения Пушкина в изданиях Анненкова. Чернышевский и Добролюбов приветствовали это событие, как важный факт в истории русской литературы и общественности.

Новая общественная психология жаждала реформ. Печати было разрешено обсуждать начатое преобразование, но только с точки зрения ученой или хозяйственной, и строго запрещались статьи, "где будут разбирать, осуждать и критиковать распоряжения правительства." Цензура употребляла огромные усилия, чтобы удержать вопрос в указанных границах.

За 1860 год из числа ходатайств об открытии периодических изданий 30 было разрешено и запрещено несколько газет и журналов. "Положение невыносимо; писали литераторы, — если б кто стал буквально держаться постановлений, то решительно

ни одна строчка не могла бы появиться в печати." Это не было преувеличением, в 1828 по 1862 г. ни один циркуляр по цензуре не был отменен. Но изменилась психология общества и на многие циркуляры стал смотреть сквозь пальцы.

Общественный подъем, приведший общество к первой революционной ситуации, общее стремление к нововведениям вынудили правительство к ряду реформ.

В 1862 г. печати было разрешено возражать на статьи герценовского "Колокола". В противовес "вредным" статьям русских журналов писались благонамеренные статьи.

10 марта 1862 г. высочайшим указом было упразднено главное управление цензуры, но одновременно министерству внутренних дел было велено следить, чтобы в печати не появлялось ничего противного цензурным правилам. Вскоре цензурное ведомство было целиком передано в министерство внутренних дел.

Эпоха "великих реформ" захватила и цензуру. Закон 1865 г. отменил предварительную цензуру для сочинений свыше

10 печатных листов и переводных свыше 20, но сохранил ее для остальных книг и брошюр. По этому закону периодические издания могли быть освобождены от цензуры только с разрешения правительства. На практике такое разрешение давалось исключительно столичным издателям, причем они обязаны были вносить денежный залог. По существу действовал старый устав с изменениями. Основные принципы, установленные уставом и временными правилами 1865 г. были следующие. Запрещаются печатные издания, когда они 1/ клонятся к поколебанию учения православной веры, 2/ подрывают уважение к верховной самодержавной власти или коренным государственным постановлениям 3/ оскорбляют добрые нравы и благопристойность или 4/ честь какого-нибудь лица непристойными выражениями или обнаружением того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более, а тем более клеветю. Не должны допускаться дерзкие и буйственные мудрствования, равно противные истинной вере и истинному разуму /ст. 94/ обличения, излагающие вредные учения

социализма и коммунизма /ст. 95/, возбуждающие неприязнь и ненависть одного сословия к другому /ст. 96/, сочинения и статьи о несовершенстве существующих постановлений допускаются только в том случае, если они написаны тоном приличным предмету и при том только в книгах выше 10 печ. листов или в журналах не ниже 7 руб. в год /ст. 97 и 99/, не дозволяется распубликование по одним слухам предполагаемых правительственных мер, пока они не объявлены законным образом /ст. 100/ и др.

Как ни превозносили благонамеренные граждане "великую реформу", историк цензурных реформ М. К. Лемке отмечал, что напрасно бы стали думать, что в 1865 году была напечатана хоть одна строчка без цензурного просмотра. Печать очень скоро убедилась в призрачности дарованной ей свободы. Н. И. Тургенев в книге "Чего желать для России", написанной в 1864 и изданной в 1868 г. доказывал, что "идея цензуры неразлучна с идеей произвола; цензура всегда будет и останется произволом, и что нет никакой возможности произвол превратить в закон."

Все же уже сама возможность обсуждения таких тем в печати свидетельствовала об изменившейся психологии общества и недовольстве литераторов половинчатой реформой. Ждали большего. Но в этом смысле справедливо изречение, что каждый народ достоин своего правителя. Достоин он и тяжести цензуры, они соединены подвижным соответствием сил общества и власти.

Реформа 65-го года быстро была сведена на нет различными поправками и длинным рядом законоположений. Свободомыслие преследовалось не менее строго, чем до реформы. В 70-х годах началось преследование книг давно изданных с разрешения цензуры. Если изданные книги вдруг становятся "вредными", значит меняется психология, ослабевает общественный подъем, усиливается цензура.

В 1882 г. комитет министров издал новые правила о печати, согласно которым редакторы периодических изданий, обязывались представлять номера своих изданий не позже II часов вечера накануне выпуска их в свет, причем цензора могли при-

остановить выход в свет данного номера без судебного преследования. Редакции обязывались по требованию министра внутренних дел сообщать фамилии и звания авторов статей. Эти "временные правила" стеснили почти до самой невозможности распространение в обществе легальным путем взглядов, которые правительство считало для себя вредными, а изданный вскоре специальный каталог книг, запрещенных к выдаче в публичных библиотеках, распространил эту меру на прошлое.

Появление в середине 90-х годов легальной марксистской литературы было воспринято правительством, как серьезная угроза, и преследование ее цензурой стали гораздо более систематическими нежели другой печати.

В 1898 г. в журнале "Вопросы философии и психологии" был напечатан трактат Льва Толстого "Что такое искусство". Цензура Николая II, де только возможно попыталась исключить такие слова как "в России", "церковная", "великие князья", "богословие" и пр. Вместо слов "в России" цензура писала "там", слова "церковное"

и "христианское" заменяла на "католическое", разрешив таким образом критиковать католическую религию, но оберегая православную. Всего было 48 цензурных поправок, из них многие сильно искажали смысл. Особенно сильно пострадала 6-я глава, в которой Толстой пытался проследить развитие человеческой мысли, развитие того смысла жизни, который вырабатывают и определяют отдельные наиболее выдающиеся личности своей эпохи. Он говорил, что "выражение этим книжечком человеком этого смысла жизни вместе с теми суеверными преданиями и обрядами, которые складываются обыкновенно вокруг памяти этого человека, и называется религией". Это определение цензура целиком запретила печатать.

В провинции цензоры — полуграмотные чиновники — измывались над печатью. Среди них были душевнобольные и просто мошенники. Ходили анекдоты о цензоре-алкогольнике, который, страдая с похмелья, вычеркивал в газете целые страницы. Другой брал у издателей газет "взаймы" по 100-300 рублей и не отдавал. Тем издателям, которые денег не давали, он мстил тем,

что вычеркивал из газеты половину ее набора или доносил в жандармское управление.

В 1865—1904 гг. было уничтожено 218 наименований книг, 173 периодических издания получили 282 предупреждения, 218 раз запрещалась розничная продажа, в публичных библиотеках запрещены к обращению 205 книг и 10 журналов.

Первая революция сильно поколебала цензурное ведомство. К 1905 году цензура была дезорганизована открытым образованием общественных союзов, политических группировок и целым рядом правительственных сообщений о революционном движении. До этого момента прессе запрещалось сообщать о политических процессах, забастовках, крестьянских волнениях.

Довольно распространенным явлением, особенно в провинции, был прямой подкуп цензоров издательствами. В результате не только газеты и журналы стали свободно касаться политических тем, но и рынок был наводнен огромной книжной и брошюрной литературой, в том числе и произведениями марксистского направления.

Причем под измененными названиями выходил даже "Манифест коммунистической партии". Появились специальные социал-демократические издания.

Под натиском революции 24 ноября 1905 года и 26 ноября 1906 года были изданы временные правила, отменявшие предварительную цензуру и административные взыскания на периодическую печать. За нарушение цензурных правил было установлено лишь судебное преследование.

После подавления революции с 1905 г. по 1907 г. был наложен арест на 361 книгу и 371 периодическое издание, 607 авторов и редакторов заключены в тюрьму или оштрафованы.

Отмена предварительной цензуры не означала отмены последующей цензуры, но в период реакции уничтожалась и преследовалась в основном политическая литература, либеральная же печать фактически обрела полную свободу.

О силе цензурной реакции 1911 года можно судить по следующему факту. Вышедший в 1910 г. революционный сборник стихов Николая Морозова "Звездные песни",

был оценен следствием как "сборник стихотворений, в числе коих оказался ряд стихотворений, возбуждающих к учинению и бунтовщического деяния и ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и заключающих выражения дерзкого неуважения к верховной власти." В иные времена этого было достаточно как минимум для каторги. Но в революционную эпоху автор был приговорен к 1 году тюрьмы, и то приговор был расценен общественным мнением как несправедливый. Как изменились времена!

В 1914 г. с началом войны цензурный гнет усилился благодаря военной цензуре. Несмотря на ярый патриотизм, его испытала даже либеральная печать.

Февральская революция уничтожила государственную цензуру, но военная сохранилась. Осталась преследуемой только большевистская печать и летом 1917 г. на нее обрушились гонения, прекращенные лишь октябрьской революцией. Весь цензурный аппарат России был уничтожен.

Россия стала страной свободной печати. Каждый гражданин имел право, не спрашивая ни у кого разрешения и не подверга-

ясь за это никакому преследованию, заводить типографию, печатный станок, печатать в газетах, журналах, книгах, листовках свои и чужие мнения обо всем на свете. *Следует было иметь очень много, из-за*
~~полной~~ *сей же не было* полной свободы ~~они~~ ~~кратковре-~~
~~менен~~. Уже 10 ноября 1917 г. был опубликован "Декрет о печати", в котором говорилось: "В тяжкий ~~момент~~ решительный час переворота и дней непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был принять целый ряд мер против контр-революционной печати разных оттенков..." Было ограничено распространение печати находящейся в оппозиции к революционной власти. СНК постановил, что закрытию подлежат газеты 1/призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству, 2/сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов и 3/призывающие к деяниям явно и преступного, ~~характера~~ т.е. уголовно наказуемого характера. Декрет о печати гласил, что как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены,

для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении законодательству...

Новое цензурное законодательство стало складываться с 1918 г. Был издан декрет СНК "О революционном трибунале печати", состоящем из трех лиц, имеющих право определять следующие наказания: 1/денежный штраф, 2/выражение общественного порицания, 3/помещение на видном месте приговора или же специальное опровержение ложных сведений, 4/приостановка издания временная или навсегда, или изъятие его из обращения, 5/конфискация в общенародную собственность типографий или имущества издания, если они принадлежат привлеченным к суду, 6/лишение свободы, 7/удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской республики, 8/лишение виновного всех или некоторых политических прав.

С введением ИЭПа для регулирования работы частных издательств, разрешение на возникновение их и на печатание

рукописей давалось Государственным издательством, или на местах, где его не было — Губполитпросветом.

Каждая рукопись до сдачи ее в набор должна была быть разрешена к печати этими органами. Изданные без надлежащего разрешения, книги конфисковывались и поступали в распоряжение Госиздата, а их издатели привлекались к судебной ответственности. Впрочем, ни один из авторов и издателей "нелегальных" книг, по содержанию совершенно невинных, никакой кары не понес. За 7 месяцев в Москве возникло 220 частных издательств, в Петрограде — 99, в провинции практически ничего. Действия издательств контролировал Политотдел.

За 4 месяца 1922 г., с февраля по май все издательства Петрограда предоставили в цензуру Отдела Госиздата 190 рукописей. Из них не было разрешено 10 названий /5,3%/. В Москве с ноября 1921 г по конец мая 1922 г. через цензуру прошло 813 рукописей частных издательств. Из них было запрещено 31 название /3,8%.

Свое новое оформление цензуры новая цензура получила лишь 6 июня 1922 г.

в "Положении о Главном управлении по делам литературы и издательства - Главлитге". "Положение" возлагало на Главлит обязанность предварительной цензуры и по отношению к ранее напечатанным или ускользнувшим от цензуры произведениям печати, а также выдачу разрешений на выпуск периодических и непериодических изданий.

В "Положении" о Главлите были указаны случаи, в которых Главлит имеет право запретить данное издание, а также обезвредить его, сделав необходимые изъятия: 1/ агитация против советской власти, 2/ разглашение военной тайны республики, 3/ возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений, 4/ возбуждение националистического и религиозного фанатизма, 5/ сочинения, носящие порнографический характер.

Главлит был учрежден при Народном комиссариате по просвещению, его задачи и деятельность определялись Положением о НКП от 5 окт. 1925 г. Основной задачей Главлита было проведение в жизнь классового контроля на идеологическом фронте.

Декретом СНК от 19 дек. 1922 г. Главлиту были предоставлены права фото и кино-цензуры. Инструкцией НКП, НКВД и НКЮ 1923 г. регулировано его право ~~давать~~ дачи разрешений на публичное исполнение драматических и иных произведений. Декретом ВЦИК и СНК от 21 апр. 1924 г. ему был предоставлен контроль над печатанием объявлений и периодических изданий, в 1926 году установлен контроль над радиовещательным материалом. В руках Главлита находилось также регулирование частной торговли книгами, просмотр литературы, привозимой из-за границы. В отдельных губерниях и областях действовали местные комитеты по делам литературы /губ- и об-литы/. Типографское дело также находилось под контролем государства. Правила для открытия и эксплуатации типографий и литографий при НЭПе были изложены в положении СТО от 2 дек. 1922 г. и изданных в развитие его инструкций от 5 февр. 1923 г. Для контроля за репертуаром при Главлите был образован особый комитет /пст. СНК от 9 февр. 1923 г. и инструкция к нему от 30 марта 1923 г./

Нарушение правил выпуска в свет печатных произведений и правил фотокино-цензуры влекли за собой по статье 185 УК 1926 г. принудительные работы до 3-х месяцев или штраф 300 рублей.

Более тяжелые преступления - изготовление и хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы наказывались, если литература имеет контр-революционный характер /ст. 72/ - лишением свободы на срок не ниже 1 года, если же эта литература призывает к преступлениям против порядка управления /ст. 84/ - невзнос налогов, невыполнение повинностей и т.д. - лишением свободы на срок не ниже 6 месяцев.

Революция пошла на убыль, исчезали революционные настроения, из всех целей лезло мещанство. Почти сразу же по создании цензуры в печати появились жалобы на ее мягкость. В журнале "Печать и революция" /№ 1923/ некто Гойбарг жаловался, что цензура пропустила курс лекций профессора петроградского университета Я. Магазинера "Общее учение о государстве"; Борис Волин из журнала "На посту" /№ 1923/ отзывался о романе

Н. Никитина "Рвотный фронт", как о контр-революции, допущенной ~~Госиздатом~~ Главлитом и напечатанной Госиздатом. Главлит возражал, что за издания Госиздата он не отвечает.

Психология изменялась стремительно. Если в первые послереволюционные годы опубликование произведений русских писателей за границей ни у кого не вызывало недовольства и недоумений, то опубликованные в 1929 г. за границей романы Б. Пильняка "Красное дерево" и Евг. Замятина "Мы" были расценены в Советской России как антисоветские, и правление ВЦИ постановило, что "опубликование советскими писателями за пределами СССР произведений, не принятых в печать СССР или отвергнутых советской общественностью, недопустимо и должно быть впредь категорически запрещено всем советским писателям." /Постановление правл. Лен.отдела ВЦИ от 22 сент. 1929 г./ Однако случаи повторялись. Анатолием Мариенгофом после благоприятных переговоров с Ленотгизом и заключения договора была отправлена легальным порядком через

комиссию по контролю над вывозом за границу рукописей романа "Циники" Однако, впоследствии книга в СССР не появилась, но была напечатана за границей. Мариенгоф в связи с этим направил письмо в Правление Моск. отд. Всерос. Союза сов. писателей, в котором отмечал, что "появление за рубежом произведения не разрешенного в СССР считает недопустимым, и опубликование романа, не появившегося у нас признавал ошибочным поступком.

Правление моск отдела ВССП заслушав объяснения Мариенгофа издало постановление, в котором заявляло, что "тенденциозный набор фактов в романе "Циники", искажающий эпоху военного коммунизма и первого периода НЭПа, делает книгу объективно вредной и неприемлемой для советской общественности. Автор ведет роман от лица людей враждебных советской власти, причем текст романа не дает материала, отделяющего точку зрения автора от точки зрения действующих лиц... Роман "Циники" стоит в прямом противоречии с задачами советского писателя как определяет их ВССП."

Крепла консервативная, не допускавшая само-критики психология. Цензура набира-ла силы и вскоре какое бы то ни было упоминание о ней в печати свелось к нулю. Как абсолютно черное тело, не отражающее лучей, ее присутствие лишь ощущалось. Замолчали многие писатели — большая часть — навсегда. Все поглотила новая эпоха консервативного классицизма.

Методы цензуры, несмотря на изменение ее классового содержания, не изменились. Этот скорбный период ждет своего исследователя.

Послаблением цензуры, сделавшим возможным в допустимых пределах критику сталинских порядков, ознаменовалась вторая половина 50-х и шестидесятые годы.

Не входя в подробное рассмотрение цензуры последних десятилетий и связанной с ней психологии общества, из-за присущей большинству людей способности оценивать события лишь по прошествии длительного интервала времени, попытаемся проанализировать общие закономерности колебаний тяжести цензурного режима.

Исторически прослеживается ослабление цензуры во время подъемов общественной

активности и усиление строгостей в спокойные времена. Успокоенное обывательское общество, в сильное охранительными тенденциями, в конце концов само виновато в тяжести цензурных гонений, которые с оглядкой и шепотом любит порицать. Будучи придавлено инстинктом самосохранения, оно не чувствует страданий тех, кто, не жалея себя, пытается прорваться к Знанию Истины и Свободе.

Кривые колебания строгости цензуры имеют свою периодичность. Общество то вдруг кидается к новому, подталкиваемое высокими идеалами, то останавливается и всеми возможными средствами ограничивает свободомыслие. Эпохи просвещения и революционного настроения чередуются с эпохами упадка. Самым непосредственным образом господствующий дух времени отражается в литературе. Высокие идеалы раскрепощают мысль и чувства. Тираны наоборот избегают злободневности, сатиры и всячески стремятся наложить на литературу отпечаток безцветности, бесконфликтности. Цензурные правила закрепляют такую психологию. Высокие стремления к Истине ослабевают, загоняются в глубо-

кое подполье, где отдельные личности их продолжают творить, не обращая внимания на цензуру.

Выход из подавленного состояния сопровождается нарастанием активности некоторой части общества, мысли и творчество которых, пройдя инкубационный период, появляются в печати и с боем отвоевывают себе право на существование.

Они должны быть сильными, чтобы пробить себе дорогу.

Анализируя ~~идеологически~~ сегодняшнее состояние общественной жизни и ее литературный процесс, можно попытаться заглянуть в будущее, но это материал для следующей статьи.